

Чемена В. А. Современное состояние вопроса о происхождении и сущности ессейства: [Речь перед защитой магистерской диссертации «Происхождение и сущность ессейства». Черкассы, 1894] // Богословский вестник 1895. Т. 4. № 11. С. 139–160 (2-я пагин.).

Современное состояніе вопроса о происхожденіи и сущности ессейства ¹⁾.

Изъ всѣхъ народовъ древняго и новаго міра нѣтъ, кажется, другаго народа, исторія котораго была-бы столь знаменательна и поучительна, какъ исторія народа еврейскаго. Извѣстенъ разсказъ о Фридрихѣ Великомъ, что когда онъ потребовалъ однажды отъ одного изъ своихъ генераловъ, отличавшихся своимъ благочестіемъ, такого доказательства истинности Свящ. Писанія, которое заключалось-бы въ одномъ только словѣ, то тотъ, не задумываясь, отвѣтилъ: „іудеи, Ваше Величество!“ И дѣйствительно, историческія судьбы еврейскаго народа, издревле избраннаго Богомъ изъ среды всѣхъ другихъ народовъ древняго міра и въ теченіе многихъ вѣковъ бывшаго единственнымъ обладателемъ истинной вѣры и божественнаго откровенія, до того знаменательны, что онѣ и до настоящаго времени все еще не перестаютъ привлекать къ себѣ вниманіе ученыхъ мыслителей и богослововъ самыхъ разнообразныхъ воззрѣній и направленій, не смотря на то, что прошло уже почти девятнадцать столѣтій послѣ Рождества Христова.

Каждый періодъ жизни этого народа представляетъ тотъ или другой интересъ для ученыхъ изслѣдователей, но начиная съ XVIII-го вѣка—съ развитіемъ рационализма, а равно также въ послѣднее время, когда девизомъ современной науки явились слова: фактичность и историчность, и когда даже и въ области богословскихъ изслѣдованій положительными данными стали служить по преимуществу факты исторіи, въ особенности живой интересъ среди историковъ и

¹⁾ Речь предъ защитой магистерской диссертации на тему: „Происхождение и сущность ессейства“.

богослововъ стали вызывать тотъ именно періодъ въ исторіи іудеевъ, когда народъ еврейскій уже заканчивалъ свою всемірно-историческую миссію, назначенную ему Богомъ—служить свѣточемъ для всѣхъ окружающихъ его языческихъ народовъ (Ис. XLII, 6). Это было время, когда іудейская религія, уже далекая отъ той первоначальной простоты и чистоты своей, въ какой она заключается и представляется намъ въ священныхъ книгахъ Ветхаго Завета, измѣненная и искаженная позднѣйшими толкованіями, дополненіями и измышленіями книжниковъ и старцевъ, доживала свои послѣдніе дни и должна была уступить свое мѣсто христіанству. Это былъ періодъ, который завершалъ собою „полноту времени“ (Галат. IV, 4), опредѣленнаго Богомъ для пришествія на землю Божественнаго Искупителя и просвѣщенія всѣхъ людей свѣтомъ единой истинной и богооткровенной религіи, принесенной на землю воплотившимся Сыномъ Божиимъ, — свѣтомъ религіи христіанской. Понятно поэтому, что не только среди раціоналистовъ, пытавшихся объяснить христіанство изъ предшествующаго религіознаго развитія іудейства, но и среди ортодоксальныхъ историковъ и богослововъ какъ для опроверженія измышленій раціоналистовъ, такъ и для выясненія взаимнаго отношенія между церковію ветхозавѣтною и новозавѣтною и постепеннаго хода развитія божественнаго откровенія явилась настоятельная нужда во всестороннемъ изученіи исторіи позднѣйшаго іудейства и первохристіанства. Такъ какъ христіанство впервые возникло на почвѣ іудейства и такъ какъ первые провозвѣстники его—святые апостолы—вышли изъ народа іудейскаго, то естественно могли являться вопросы: каково взаимное отношеніе этихъ двухъ религій? существуетъ-ли между ними какая-либо связь, и если существуетъ, то въ чемъ именно она обнаруживается? въ чемъ заключаются существеннѣйшія различія между церковію ветхозавѣтною и новозавѣтною? приняло-ли, наконецъ, христіанство въ себя что-либо изъ существовавшихъ до него религіозныхъ системъ, или-же, напротивъ, оно составляетъ совершенно новое божественное учрежденіе и не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ вліянія, ни со стороны іудейскаго, ни со стороны какого-либо иного человѣческаго общества? Подобнаго рода вопросы, имѣющіе большую важность при серьезномъ

изученіи христіанства, какъ великаго историческаго явленія, прямо отсылали ученыхъ изслѣдователей къ тщательному изученію іудейства предъ Рождествомъ Христовымъ и требовали обстоятельнаго знакомства не съ одними только внѣшними фактами іудейской исторіи того времени, но по преимуществу также и съ внутреннимъ состояніемъ іудейства въ послѣдніе вѣка до Р. Х.—съ тѣми различными формами и направленіями, какія принимала соціальная и религіозно-нравственная жизнь іудеевъ означенной эпохи.

Іудейская народная жизнь послѣ плѣннаго времени приняла три главныя направленія, извѣстныя въ исторіи подъ именемъ фарисейства, саддукейства и ессейства. Это-то послѣднее направленіе религіозно-нравственной жизни позднѣйшаго іудейства, представляющее изъ себя, благодаря своимъ своеобразнымъ особенностямъ, одно изъ интереснѣйшихъ явленій іудейскаго міра, и послужило предметомъ для нашего изслѣдованія, подлежащаго суду настоящаго высокопросвѣщеннаго собранія.

Рѣшительно отдѣлившись отъ общенациональной и общерелигіозной жизни и выработавъ свои отличительныя учрежденія, обычаи и воззрѣнія, ессейство пошло самостоятельнымъ путемъ къ достиженію намѣченныхъ имъ жизненныхъ идеаловъ и образовало такимъ образомъ въ іудействѣ въ собственномъ и строгомъ смыслѣ слова секту, совершенно недоступную для непосвященныхъ и имѣвшую строго определенную общую организацію. По правиламъ ессейской секты, желающіе вступить въ нее подвергались строгому трехлѣтнему испытанію, послѣ котораго они давали торжественную клятву въ томъ, что не будутъ имѣть тайнъ отъ своихъ братьевъ, о дѣлахъ секты ничего не станутъ сообщать лицамъ стороннимъ, хотя-бы имъ угрожала и самая смерть, новымъ членамъ своего общества не будутъ передавать ученій секты въ извращенномъ видѣ и въ строгой тайнѣ будутъ хранить книги секты и имена ангеловъ. Только послѣ этого они становились дѣйствительными членами секты, и предъ ними въ извѣстной постепенности раскрывались тайны ессейскихъ воззрѣній и учрежденій, между которыми видную роль играли: общеніе имуществъ, общественныя трапезы, частыя омовенія и очищенія, бывшія свидѣствіемъ крайней заботливости ессеевъ о соблюденіи левит-

ской чистоты и ихъ мнительной боязни малѣйшаго оскверненія, далѣе—отверженіе брака, отверженіе рабства не только въ принципѣ, но и на практикѣ, воздержаніе отъ помазанія тѣла масломъ, которое считалось нечистымъ, отверженіе клятвы, отверженіе храмовыхъ жертвъ, которымъ ессеи предпочитали свои собственныя очищенія и священнодѣйствія, утреннія молитвы по направленію къ востоку, что такъ не мирилось съ общеіудейской практикой и традиціей и, наконецъ, особое ученіе о безсмертіи и посмертной участи душъ человѣческихъ. Хотя основныя религіозныя воззрѣнія и принципы ессеевъ, безспорно, были заимствованы изъ ветхозавѣтнаго ученія, такъ какъ въ руководство къ изслѣдованію истины они принимали именно священные книги Ветхаго Завѣта, читаемыя и изъясняемыя въ ессейскихъ собраніяхъ по субботамъ, но во всякомъ случаѣ только что перечисленные нами учрежденія, обычаи и воззрѣнія ессеевъ не оставляютъ мѣста сомнѣнію, что въ ессенизмѣ существовалъ цѣлый рядъ и такихъ спеціально-ессейскихъ особенностей, которыя рѣшительно отличали есеевъ отъ остальныхъ іудеевъ и которыя ясно указывали на то, что это теченіе уклонилось далеко въ сторону отъ своего главнаго русла и, быть можетъ, утратило даже свою первоначальную чистоту, принявъ въ свое лоно новыя ручки съ совершенно иной окраской.

Стоя на рубежѣ Ветхаго и Новаго Завѣта, есеевство уже по одному этому могло-бы явиться интереснымъ предметомъ для изслѣдованія, посвященнаго изображенію религіозныхъ представленій и духовныхъ стремленій въ Палестинѣ непосредственно предъ явленіемъ Господа нашего Иисуса Христа, но для насъ изученіе этого историческаго явленія представляло еще особенный, спеціальный интересъ, обусловливаемый тѣмъ крайне преувеличеннымъ значеніемъ, какое со времени возникновенія раціонализма стали придавать ему нѣкоторые изъ западныхъ раціоналистическихъ писателей, воспользовавшихся имъ какъ опорой для своихъ несправедливыхъ нападокъ на христіанство. Дѣло въ томъ, что ученые изслѣдователи, единогласно признавая, что ессенизмъ по своимъ принципамъ, обычаямъ и учрежденіямъ составляетъ одно изъ выдающихся явленій іудейскаго міра, далеко не согласны между собою во взглядахъ на отноше-

ніе этой секты къ іудейству вообще и на значеніе ея для христіанства. Въ то время какъ одни изъ нихъ (напр. Неандеръ, Никола, Кеймъ, Ширеръ и др.) видятъ въ ессеяхъ такое замкнутое мистическое общество, которое по всему своему характеру и направленію не могло оказывать значительнаго вліянія на характеръ религіознаго міросозерцанія даже самихъ іудеевъ и которое тѣмъ болѣе должно было остаться безъ всякаго вліянія на нашу богооткровенную религію, другіе — іудейскаго вѣроисповѣданія и христіанскіе рационалисты—напротивъ, слишкомъ уже преувеличиваютъ значеніе ессейства, приписывая ему важную выдающуюся роль во всемірной исторіи. Это въ особенности нужно сказать относительно послѣдователей такъ называемой новотюбингенской школы, отрицающихъ сверхъестественное происхожденіе христіанства и пытающихся исторически объяснить зарожденіе и постепенное образованіе христіанской религіи путемъ естественной эволюціи изъ предшествующаго религіознаго развитія человѣчества. Крайне свободно обращаясь съ тѣми свидѣтельствами о сектѣ ессеевъ, какія сохранила намъ древность, произвольно комментируя ихъ, выдвигая впередъ одни факты и игнорируя или даже совершенно замалчивая другіе, означенные изслѣдователи (въ родѣ, напр., Баура, Бунзена, Гфррера, Лилли, Люттербека, Гретца, Фридендера и др.) рѣшительно утверждаютъ, что секта ессеевъ была одною изъ существенныхъ точекъ соприкосновенія между іудействомъ и христіанствомъ, — что она была или посредствующимъ звеномъ между натуралистическими религіозными и философскими системами съ одной стороны и религіей христіанской—съ другой, или-же сама по себѣ послужила основнымъ зерномъ, изъ котораго впоследствии развилося величественное дерево христіанства.

Это мнѣніе о зависимости христіанства отъ ессейства, впервые высказанное англійскими деистами и французскими энциклопедистами конца XVII и XVIII вѣковъ и затѣмъ поддержанное нѣкоторыми нѣмецкими рационалистами (въ особенности Вахтеромъ и Штэйдлиномъ), къ половинѣ настоящаго вѣка, повидимому значительно уже потеряло было свой кредитъ даже въ средѣ рационалистовъ, но въ послѣднее время оно снова пріобрѣтаетъ популярность на Западѣ,

благодаря, во первыхъ, тому, что его взяли подъ свою защиту тѣ изъ новѣйшихъ рационалистовъ, которые пытаются вывести христіанство изъ буддизма, а во вторыхъ, благодаря тому увлеченію буддизмомъ, которое охватило теперь значительную часть такъ называемаго образованнаго общества въ Западной Европѣ.

Общеизвѣстный фактъ составляетъ то, что въ настоящее время буддизмъ пользуется выдающеюся популярностью у западно-европейскихъ народовъ, и въ особенности во Франціи: онъ не только сталъ предметомъ всесторонняго изученія для многихъ выдающихся ученыхъ Запада, но, что замѣчательно, привлекаетъ къ себѣ большое вниманіе также со стороны почти всего западно-европейскаго общества. Въ столицѣ Франціи теперь не рѣдкость встрѣтить такіе аристократическіе салоны, въ которыхъ „устроены изящныя буддійскія кумирни, гдѣ дымъ сандалнаго дерева курится предъ идолами Будды и возносятся покаянныя молитвы къ Амитабѣ, правителю рая Сукавати; при этомъ присутствующіе на молитвѣ исполняютъ обрядъ индійскаго очищенія, одѣваются въ особенную одежду кающихся буддистовъ, совершаютъ омовенія“¹⁾, а въ нѣкоторыхъ домахъ совершаютъ богослужебные языческіе обряды даже специально выписанные для этой цѣли японскіе жрецы²⁾. Въ Парижской Сорбоннѣ профессоромъ восточныхъ языковъ Леономъ де-Рони читаются публичныя лекціи о буддизмѣ, которыя являются своего рода миссіонерскими курсами и вызываютъ столь необычайный энтузіазмъ въ публикѣ, воспѣвающей въ заключеніе лекцій торжественныя гимны въ честь Будды, что со стороны легко можно подуматъ, будто весь Парижъ поклоняется Буддѣ³⁾. Подъ предводительствомъ означеннаго профессора образовалось въ Парижѣ даже особое общество „буддистовъ“, члены котораго усиленно стараются о распространеніи этого языческаго культа среди христіанъ и въ этихъ цѣляхъ серьезно помышляютъ о созваніи въ Парижѣ собора буддистовъ, долженствующаго заняться вопросами формальной пропаганды буддизма во Франціи и въ другихъ странахъ Европы⁴⁾.

¹⁾ Приб. къ Церковн. Вѣдом. 1891 г. № 10, стр. 303—304.

²⁾ Ibid. 1891 г. № 39, стр. 1357. Ср. 1894 г. № 34, стр. 1193.

³⁾ Ibid. 1890 г. № 43, стр. 1611. Ср. 1894 г. № 34, стр. 1193.

⁴⁾ Ibid. 1894 г. № 34, стр. 1193. Ср. 1890 г. № 48, стр. 1611.

Этот столь значительный интерес къ буддизму на Западѣ увеличился въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторые изъ рационалистическихъ писателей, считающихъ христіанство продуктомъ человѣческаго разума, дерзнули выводить его изъ буддизма, утверждая, яко-бы отсюда всецѣло заимствованы вѣроученіе и правоученіе нашей боготкровенной религіи, основанной Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, и яко-бы источникомъ нашихъ каноническихъ евангелій послужили буддійскія легенды. Изыскивая доказательства въ пользу мнѣнія о возможности вліянія буддизма на христіанство, нѣкоторые изъ означенныхъ изслѣдователей, какъ напр. Станлей, Лилли, Бюрнуфъ, Бунзенъ, нашли для себя весьма удобнымъ остановить свое вниманіе на ессенизмѣ и выдвинуть его въ качествѣ новаго фактора, якобы благопріятствующаго ихъ теоріи. Этимъ факторомъ они пытаются воспользоваться какъ для подкрѣпленія своей теоріи вообще, такъ въ особенности именно въ тѣхъ видахъ, что-бы хотя нѣсколько уменьшить невѣроятность факта перенесенія идей буддизма въ столь отдаленную отъ Индіи Палестину ко времени возникновенія христіанства, что всегда составляло и составляетъ легко уязвимую Ахиллесову пятую этой несостоятельной теоріи. Утверждая, что секта ессеевъ была ничѣмъ инымъ, какъ именно общиною буддійскихъ монаховъ, изъ среды которой вышелъ-де и Основатель христіанства Иисусъ Христосъ, названные ученые видятъ въ ессеяхъ первоначальныхъ носителей буддійскаго преданія и естественныхъ посредниковъ въ передачѣ идей буддизма христіанству ¹⁾.

Такимъ образомъ эта совершенно незначительная іудейская секта, бывшая долгое время едва замѣтной точкой на историческомъ горизонтѣ, стала для рационалистовъ новою путеводною звѣздою въ ихъ нападкахъ на христіанство; будучи возведена ими въ перлъ созданія іудейской исторіи, ессейская секта въ устахъ рационалистовъ приобрѣла гром-

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь кстаи, что подъ вліяніемъ означенныхъ рационалистовъ образовалась въ настоящее время въ Парижѣ, какъ свидѣтельствуеъ Юлій Буа, особая анти-религіозная секта, члены которой именуютъ себя „ессеями“ и главнымъ принципомъ своего общества выставляютъ ученіе о томъ, что Господь Иисусъ Христосъ въ юности принадлежалъ-де къ ессеямъ.

кую славу, яко-бы она послужила „материнскимъ лономъ“ для христіанства ¹⁾).

Изъ сказаннаго о той роли, какую приписываютъ ессейству новѣйшіе раціоналисты, понятно и важное значеніе избраннаго нами для обсужденія предмета; потому что тщательное изученіе ессенизма не только можетъ много способствовать правильному сужденію о той почвѣ, на которой было посѣяно сѣмя евангелія, но оно въ особенности важно и необходимо для выясненія истиннаго историческаго значенія, принадлежащаго ессенизму, и для основательнаго опроверженія тѣхъ крайнихъ заблужденій и лживыхъ измышлений раціоналистовъ, которыми эти послѣдніе посягаютъ на ниспроверженіе главнѣйшихъ основъ религіи христіанской, поставляемой ими въ непосредственную связь съ означенной іудейской сектой. Конечно, для насъ важнѣе всего было-бы выяснить надлежащее отношеніе ессейства къ христіанству и показать всю несостоятельность измышленій раціоналистовъ, что собственно первоначально и побудило насъ еще въ бытность студентомъ духовной академіи избрать для своей кандидатской диссертациі предложенную Совѣтомъ Академіи тему объ ессействѣ. Но подобно тому, какъ въ обыденной жизни для того, что-бы воздвигнуть какое-либо зданіе, необходимо напередъ устроить для него надлежащій фундаментъ, отъ прочности котораго зависитъ прочность и всего сооруженія, точно такъ-же и здѣсь: для того, что-бы надлежащимъ образомъ рѣшить поднятый раціоналистами вопросъ объ отношеніи ессейства къ христіанству и опровергнуть раціоналистовъ, необходимо напередъ выработать твердыя точки опоры для правильнаго и основательнаго сужденія о дѣлѣ,—необходимо предварительно выяснить, въ чемъ состоитъ сущность ессейства и каковы были задачи, принципы и стремленія этого общества, а послѣ этого получатся безспорныя данныя для отвѣта на вопросъ: можно ли находить хотя какія-либо точки соприкосновенія между ессенизмомъ и христіанствомъ и замѣчается-ли хотя въ чемъ нибудь столь вождельнное для раціоналистовъ родство или взаимная зависимость этихъ историческихъ явленій, ничего общаго между собою не имѣющихъ.

¹⁾ Cp. *Gratz*. Geschichte der Juden. Bd. III. Einleit. s. 3.

Вотъ собственно какими соображеніями и вызвана была наша работа о происхожденіи и сущности ессейства, — работа, которую первоначально, до подробнаго знакомства съ дѣломъ, мы считали было только приготовительнымъ или вступительнымъ отдѣломъ къ главнѣйшей части задуманнаго нами труда. Но при ближайшемъ ознакомленіи съ дѣломъ оказалось, что выполненіе даже и первой части предположенной работы вовсе не такъ легко и удобно, какъ это представлялось на первый взглядъ, и что самое выполненіе ея требуетъ какъ большой затраты времени и весьма кропотливаго труда, такъ равно также и большого запаса энергіи, терпѣнія и любви къ дѣлу, чтобы преодолѣть всѣ возникающія на пути препятствія и затрудненія и поддерживать до конца неослабный интересъ къ предмету, изслѣдованіе котораго для многихъ могло-бы, пожалуй, показаться напраснымъ и неблагодарнымъ трудомъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ оказалось невозможнымъ построить вполне прочное сооруженіе за отсутствіемъ подходящихъ вполне устойчивыхъ матеріаловъ, а еще болѣе за отсутствіемъ потребной для ихъ скрѣпленія прочной связи. Если-бы намъ было позволено продолжить взятое нами сравненіе своей научной работы съ возведеніемъ фундамента, то мы сказали-бы, что, во первыхъ, намъ пришлось строить его на зыбкой и колеблющейся почвѣ, а во вторыхъ, что мы имѣли дѣло по большей части не съ гладкими и полированными искусствомъ человѣческимъ плитами, а съ грубыми, неотшлифованными и крайне разнообразными по своей формѣ и величинѣ камнями, которые очень трудно было пригонять другъ къ другу, при чемъ случалось иногда, что даже и по выполненіи извѣстной части работы все сдѣланное приходилось самолично-же и разрушать, потому что дальнѣйшіе камни оказывались совершенно не подходящими для соединенія ихъ въ одно цѣлое съ установленными раньше, и послѣ этого съ новыми усиліями нужно было опять приниматься за ту-же работу.

Въ поясненіе этого нужно сказать, что ессенизмъ, совмѣщавшій въ себѣ, повидимому, непримиримыя противорѣчія и отличавшійся крайне замѣнутымъ характеромъ, представляетъ изъ себя весьма загадочное явленіе въ исторіи іудейства, такъ что хотя многіе ученые, особенно послѣднихъ

двухъ вѣковъ, и дѣлали неоднократно попытки дать положительный отвѣтъ на то, въ чемъ собственно состоитъ сущность ессеизма и каковы причины его возникновенія, но сказать, что эти вопросы получили уже для себя вполне вѣрное и определенное рѣшеніе въ томъ или иномъ смыслѣ, и до настоящаго времени рѣшительно невозможно. Еще и теперь не лишены совсѣмъ своего значенія слова одного французскаго ученаго, замѣтившаго, что „ессенизмъ есть историческая проблемма, еще не рѣшенная; неизвѣстно ни то, каково было его происхожденіе, ни то, въ какую эпоху онъ возникъ, ни то, когда и какъ онъ прекратилъ свое существованіе, а его доктрины представляютъ также не меньшія трудности“ ¹⁾. А другой нѣмецкій ученый—Кеймъ даетъ слѣдующую довольно замѣчательную характеристику ессенизма: „ессеи, говорить онъ, представляли изъ себя весьма загадочное явленіе; они напоминали собою фари-сеевъ, хотя въ то-же время характерно и отличались отъ нихъ; ессеи были строгими ревнителями закона и въ то-же время сами нарушали его; ессеи стремились къ праведности въ духѣ пророковъ и въ то-же время они съ большей мнительностью, чѣмъ фарисеи, заботились о соблюденіи внѣшней чистоты. Они были іудеи и въ то-же время отдѣляли себя отъ націи; они были читателями Іеговы и однако-же, подобно язычникамъ, они молились къ солнцу. Они называютъ собою, заключаетъ Кеймъ, мозаическую картину, въ которой нѣтъ внутренняго единства; они представляли собою феноменъ религіознаго отчаянія, служа предметомъ удивленія для іудеевъ, язычниковъ и христіанъ, хотя удивлявшіеся имъ не знали, какъ и до сей поры не знаютъ навѣрное, были-ли они іудеями, или іудео-языческою школою, или, какъ думаетъ Евсевій, христіанами“ ²⁾.

Причиною такого положенія вопроса объ ессеизмѣ служитъ, во первыхъ, то, что тѣ немногіе историческіе документы, изъ которыхъ главнымъ образомъ почерпаются положительные свѣдѣнія о сектѣ ессеевъ, даютъ намъ далеко не полное освѣщеніе этого загадочнаго общества и оставляютъ безъ объясненія многіе весьма важные пункты въ

¹⁾ *Nicolas*. Des doctrines religieuses des Juifs. Paris, 1866, p. 95.

²⁾ *Keim*. Geschichte Iesu von Nazara. Bd. I, s. 282.

ессенизмъ, а во вторыхъ, много также вредить дѣлу крайняя тенденціозность пользующихся этими документами изслѣдователей.

Главнѣйшими источниками свѣдѣній о сектѣ ессеевъ по всей справедливости считаются извѣстія, сообщаемыя іудейскимъ историкомъ Иосифомъ Флавіемъ, александрійскимъ философомъ Филономъ и языческимъ писателемъ Плиніемъ Старшимъ. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что хотя въ извѣстіяхъ этихъ трехъ писателей довольно обстоятельно и подробно трактуется о внѣшней организаціи секты ессеевъ, ея учрежденіяхъ и обычаяхъ, но тѣмъ не менѣе въ нихъ ничего не говорится ни о времени происхожденія этой секты, ни о причинахъ, вызвавшихъ ея возникновеніе, ни о внутренней ея сущности. Кромѣ того и въ самыхъ повѣствованіяхъ, сообщаемыхъ указанными источниками встрѣчаются извѣстія неопредѣленные, противорѣчивыя, а иногда даже и прямо недостоверныя, такъ какъ авторы ихъ, преслѣдуя свои особыя тенденціи, часто приписываютъ ессеямъ совершенно чуждыя имъ воззрѣнія, или же навязываютъ имъ свои собственныя мысли и сужденія, которыя иногда бываетъ довольно трудно съ точностью отдѣлить отъ того, что принадлежитъ собственно ессеямъ. Все это, съ одной стороны, безъ сомнѣнія весьма затрудняетъ проникновеніе во внутреннюю сущность ессейской секты и налагаетъ на весь ессенизмъ печать таинственности и загадочности, а съ другой стороны, даетъ новѣйшимъ изслѣдователямъ поводъ къ различнымъ произвольнымъ комментаріямъ, предоставляя имъ обширное поле для проведенія своихъ тенденціозныхъ взглядовъ. И нужно сказать, что дѣйствительно многіе ученые, пользуясь неопредѣленностію свидѣтельствъ основныхъ источниковъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ объ ессенизмѣ старались не столько о томъ, что бы на основаніи нѣкоторыхъ не подлежащихъ никакому сомнѣнію данныхъ и логически вытекающихъ изъ нихъ выводовъ способствовать уясненію этого загадочнаго явленія, сколько—о томъ, что-бы всѣ факты и особенности ессенизма подогнать подъ свои напередъ составленныя теоріи. Немножко не удивительно поэтому, что вопросы о томъ: что собственно представлялъ изъ себя ессенизмъ? каковы были принципы, опредѣлявшіе особенный образъ жизни ес-

сеевъ? что составляло конечную цѣль ихъ стремленій? въ чемъ обнаруживалось ихъ вліяніе на современниковъ, если только оно было? вообще, каково историческое значеніе этой секты?—получали для себя самое разнообразное рѣшеніе. А въ рѣшеніи одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ ессенизмѣ, именно—вопроса о причинахъ, вызвавшихъ возникновеніе этой секты и опредѣлившихъ собою все ея дальнѣйшее развитіе, ученые раздѣлились на два совершенно противоположные лагеря.

Одни изслѣдователи, считая самымъ естественнымъ въ данномъ случаѣ искать объясненія ессеинства на почвѣ іудейства, доказываютъ, что ессенизмъ прежде всего органически развился изъ коренныхъ основъ національно-религіозной жизни самихъ палестинскихъ іудеевъ, что онъ есть продуктъ послѣдствій іудейства, не носящій на себѣ никакихъ слѣдовъ вліянія со стороны чуждыхъ языческихъ элементовъ; а другіе, напротивъ того, рѣшительно утверждаютъ, что ессеинство во многихъ пунктахъ представляетъ такія существенныя отличія отъ традиціоннаго іудейства, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть выведены изъ внутреннихъ основъ религіозной жизни самого іудейства, а объясняются только вліяніемъ язычества, въ зависимость отъ котораго и поставляется самое происхожденіе ессенизма.

Расходясь между собою въ рѣшеніи того общаго вопроса: изъ іудейства-ли, или изъ вліянія язычества должно вывести ессенизмъ, ученые той и другой группы далеко несогласны между собой также и въ частнѣйшемъ опредѣленіи тѣхъ факторовъ, которые, по ихъ мнѣнію, были способны произвести ессенизмъ.

Одни (и они составляютъ въ настоящее время большинство), объясняя ессенизмъ чисто изъ іудейства, считаютъ его или существенно тождественнымъ съ фарисействомъ, или производятъ его изъ партіи такъ называемыхъ асидеевъ—благочестивыхъ ревнителей закона Моисеева, игравшихъ видную роль при Маккавейскомъ возстаніи и, по общепринятому почти мнѣнію, составлявшихъ основной корень также и фарисейства. Какъ на защитниковъ этого мнѣнія можно указать на цѣлый рядъ какъ іудейскихъ, такъ и христіанскихъ ученыхъ; сюда принадлежатъ: Франкель,

Доренбургъ, Юстъ, Гретцъ, Гейгеръ, Гитцигъ, Гинсбургъ, Тидоманъ, Эвальдъ, Гаусратъ, Рейссъ, Никола, Стапфоръ, Люциусъ и др. Всѣ они высказали въ общемъ довольно согласные взгляды на ессенизмъ, хотя однако и разнящіеся другъ отъ друга въ указаніи тѣхъ именно мотивовъ, которые побудили ессеевъ отдѣлиться отъ остальнаго іудейства и организовать свое особое, совершенно замкнутое общество.

По мнѣнію другихъ, напр. Гильгенфельда, общество ессеевъ представляло изъ себя ничто иное, какъ школу позднѣйшихъ апокалиптиковъ, которые, подражая древнимъ пророческимъ обществамъ, посредствомъ аскетическихъ подвиговъ стремились сдѣлаться достойными и способными къ воспріятію откровеній свыше. Далѣе, находятся изслѣдователи, какъ Ричль, которые видятъ въ ессенизмѣ попытку нѣкоторой части іудеевъ въ своемъ тѣсномъ кружкѣ осуществить на практикѣ ветхозавѣтную идею всеобщаго священства (Ср. Исх. XIX, 6), и съ этой точки зрѣнія—изъ стремленія ессеевъ представить въ своемъ лицѣ общество священниковъ— стараются объяснить всѣ особенности ессейства. Есть, наконецъ, мнѣніе (высказанное также вышеупомянутымъ Гильгенфельдомъ), сближающее ессеевъ съ древними Рихавитами, упоминаемыми въ книгѣ пророка Іереміи (XXXV, 6—10; 14—16), и считающее первыхъ размножившимися потомками послѣднихъ.

Въ то время, какъ во всѣхъ вышеозначенныхъ мнѣніяхъ ессенизмъ выставляется, продуктомъ національно-религіозной жизни самихъ палестинскихъ іудеевъ, въ другихъ, напротивъ, происхожденіе его поставляется въ прямую зависимость отъ языческихъ вліяній. Такъ, есть не мало такихъ изслѣдователей, которые объясняютъ возникновеніе ессейской секты воздѣйствіемъ на іудейство со стороны эллинизма, при чемъ одни, какъ Люттербекъ, приписываютъ это воздѣйствіе именно древне-пифагорейской философіи, утверждая, что въ ессействѣ произошло именно „почти полное сліяніе іудейства и пифагорейства“; другіе, какъ Целлеръ, Гольцманъ и др., считаютъ болѣе подходящимъ объяснять особенности, отличающія ессенизмъ отъ ортодоксальнаго іудейства, вліяніемъ ново-пифагорейства; а третьи, какъ Гфрэреръ, Дэне, Мангольдъ, Герцфельдъ, Фридендеръ,

обращаются въ этомъ случаѣ къ іудео-александрійской религіозной философіи и считаютъ эссенизмъ продуктомъ этой послѣдней. Съ другой стороны, есть изслѣдователи, которые этимъ философскимъ системамъ предпочитаютъ языческія религіозныя системы Востока и въ нихъ видятъ источникъ для происхожденія эссеиства, при чемъ одни изъ нихъ представляютъ происхожденіе эссенизма въ зависимость отъ парсизма—таковы тотъ-же упоминаемый нами выше Гильгенфельдъ, который не разъ мѣнялъ свои воззрѣнія на эссеиство ¹⁾, Клеменсъ, отчасти Ляйтфутъ, а другіе, о чемъ у насъ уже была рѣчь раньше, пытаются доказать, что эссеиство обязано своимъ возникновеніемъ вліянію на іудеевъ религіи буддійской.

Мы перечислили здѣсь только главнѣйшія направленія въ рѣшеніи вопроса объ эссенизмѣ, но уже изъ одного этого общаго перечня мнѣній, высказанныхъ о сектѣ эссеевъ, легко видѣть, что при всей своей важности вопросъ объ эссенизмѣ, привлекающій къ себѣ вниманіе ученыхъ самыхъ различныхъ направленій, въ то-же самое время и весьма не легокъ для рѣшенія. Объ эссенизмѣ высказано много самыхъ разнообразныхъ мнѣній и сужденій, составившихъ на Западѣ уже довольно богатую литературу по данному предмету, но устойчиваго и опредѣленнаго въ нихъ пока еще такъ мало, что ученые не только не могутъ согласиться между собою при рѣшеніи тѣхъ или иныхъ частныхъ пунктовъ въ эссенизмѣ, но не пришли къ какому-либо положительному выводу даже въ рѣшеніи того существенно-важнаго вопроса, составлялъ-ли эссенизмъ чисто мѣстный продуктъ національной жизни самого палестинскаго іудейства, или-же онъ былъ иноземнымъ растеніемъ, занесеннымъ на палестинскую почву откуда либо извнѣ.

Въ виду такого положенія дѣла мы, естественно, не могли брать на себя смѣлость въ настоящемъ трудѣ своемъ положительно и безапелляціонно рѣшить эссеискую проб-

¹⁾ Гильгенфельдъ представляетъ намъ интересный образчикъ крайней неустойчивости во взглядахъ на эссенизмъ, что можетъ служить нагляднымъ свидѣтельствомъ того, какъ трудно сказать что-либо положительное объ эссеиской сектѣ и какую удобную почву вообще представляетъ эссенизмъ для самыхъ произвольныхъ о немъ заключеній и для проведенія желательныхъ тенденціозныхъ мнѣній всякаго рода тѣмъ ученымъ, которые пибуютъ въ этомъ какую либо надобность.

лемму, т. е. съ полною опредѣленною и несомнѣнною указать истинныя причины, вызвавшія возникновеніе ессейской секты и точно опредѣлить ея сущность. Мы поставили задачей своего труда сдѣлать только попытку къ рѣшенію означенныхъ вопросовъ, положивъ въ основаніе изслѣдованія какъ тщательное изученіе основныхъ источниковъ, дающихъ намъ свѣдѣнія о сектѣ ессеевъ, такъ равно и обстоятельное ознакомленіе со всѣми тѣми разнообразными теоріями объ эссенизмѣ, которыя составляютъ въ настоящее время достояніе исторической науки и съ которыми, по нашему убѣжденію, необходимо считаться каждому изслѣдователю при рѣшеніи вопроса о происхожденіи и сущности этой загадочной іудейской секты. Такъ какъ всѣ эти теоріи въ большей или меньшей степени не свободны отъ проведенія тѣхъ или иныхъ предвзятыхъ тенденцій и отъ ложнаго освѣщенія фактовъ, при чемъ разсѣяныя въ нихъ крупныя истины часто совсѣмъ незамѣтны за цѣлымъ рядомъ тенденціозныхъ измышленій, то мы сочли необходимымъ для лучшаго уясненія дѣла извѣстнымъ образомъ сгруппировать эти теоріи и подвергнуть ихъ обстоятельному критическому разбору. Поступая такимъ образомъ, мы руководствовались тѣмъ соображеніемъ, что при взаимномъ сопоставленіи и разборѣ различныхъ мнѣній тѣмъ рельефнѣе должны выступить присущіе имъ недостатки, а кромѣ того, — что въ особенности важно — изъ этого критическаго разсмотрѣнія цѣлаго ряда теорій всегда можно извлечь также и нѣкоторыя положительныя данныя для уясненія вопроса объ эссенизмѣ, такъ какъ каждое мнѣніе можетъ заключать въ себѣ извѣстную долю истины и можетъ оказаться пригоднымъ для освѣщенія того или другаго темнаго пункта въ эссенизмѣ, и такъ какъ, съ другой стороны, самое обиліе и разнообразіе мнѣній можетъ много способствовать изслѣдователю путемъ выдѣленія и систематизированія разсѣянныхъ то здѣсь, то тамъ крупницъ истины, справедливыхъ замѣчаній, правдоподобныхъ объясненій, заслуживающихъ вниманія указаній и т. п. придти къ возможно правильному рѣшенію вопроса о происхожденіи и сущности эссенизма. Наконецъ, критическое разсмотрѣніе мнѣній, высказанныхъ западными учеными объ эссенизмѣ, крайне необходимо также въ виду тѣхъ зло-

употребленій, какія, какъ мы сказали, позволяютъ себѣ нѣкоторые изъ рационалистическихъ писателей при обсужденіи эссенцизма и выясненіи его историческаго значенія; такъ какъ теоріи означенныхъ рационалистовъ служатъ источникомъ заблужденій, которыя могутъ смущать неутвержденныхъ въ вѣрѣ, то, конечно, весьма полезно показать тенденціозность и несостоятельность этихъ теорій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выработать твердыя точки опоры для надлежащаго сужденія объ отношеніи эссеиста къ христіанству.

Въ этихъ видахъ мы и посвятили значительную часть своего труда критическому разбору разнообразныхъ мнѣній объ эссеистической сектѣ и выясненію ихъ сравнительнаго достоинства, выдѣливъ для этого въ своемъ изслѣдованіи, послѣ представленнаго въ двухъ первыхъ главахъ обслѣдованія основныхъ источниковъ объ эссеистѣ и описанія эссеистическихъ учреждений, обычаевъ и воззрѣній, цѣлыхъ три слѣдующихъ главы. И только послѣ этого разсмотрѣнія мнѣній, произведши, такъ сказать, цѣлый рядъ изысканій по всѣмъ проложеннымъ другими тропинкамъ для опредѣленія наилучшаго направленія пути, мы въ заключительной—шестой—главѣ предлагаемъ общій очеркъ внѣшней исторіи и внутренняго религіозно-нравственнаго состоянія послѣплѣннаго іудейства—съ тѣмъ, чтобы, придавъ надлежащее освѣщеніе нѣкоторымъ знаменательнымъ фактамъ въ исторіи іудеевъ данной эпохи, высказать и свое сильное сужденіе о тѣхъ факторахъ и мотивахъ, которые, по нашему мнѣнію, болѣе всего могли способствовать возникновенію эссенцизма и образованію въ немъ тѣхъ основныхъ стремленій, задачъ и вообще всѣхъ особенностей, о какихъ свидѣтельствуютъ историческіе документы.

Общіе результаты нашего изслѣдованія могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Эссеистство представляло изъ себя особое, строго замкнутое и обособленное общество въ народѣ іудейскомъ, преслѣдовавшее чисто религіозныя цѣли и въ сильной степени проникнутое духомъ сенаратизма.

2. Рѣшительно отдѣлившись отъ обще-національной и обще-религіозной жизни іудеевъ и выработавъ свои отличительныя учрежденія, обычаи и воззрѣнія, эссеистство пошло самостоятельнымъ путемъ къ достиженію намѣченныхъ имъ

жизненныхъ идеаловъ и образовало, такимъ образомъ въ іудействѣ въ собственномъ и строгомъ смыслѣ слова секту, или точнѣе—замкнутый орденъ.

3. Первоначальной родиной ессейства, равно какъ поприщемъ дѣятельности этой секты во все время ея послѣдующаго существованія, была Палестина; что же касается времени возникновенія ессенизма, то хотя оно и не можетъ быть опредѣлено съ точностью, тѣмъ не менѣе есть много данныхъ, на основаніи которыхъ слѣдуетъ относить образованіе этой секты къ эпохѣ Маккавеевъ.

4. Первоначальная причина, вызвавшая ессенизмъ къ жизни, должна была лежать въ самомъ палестинскомъ іудействѣ, но отнюдь не въ сферѣ язычества, такъ какъ, во первыхъ, самый характеръ ессейской секты, пытавшейся устроить свою жизнь на началахъ закона Моисеева и до скрупулезности преданной выполненію мелочныхъ обрядовыхъ постановленій этого закона, не допускаетъ поставленія ея происхожденіе въ зависимость отъ вліянія язычества. Во вторыхъ, почти всѣ отличительныя особенности ессенизма, и даже именно тѣ, въ которыхъ нѣкоторые изслѣдователи хотятъ видѣть явные слѣды иноземныхъ вліяній, безъ затрудненія могутъ быть выведены изъ началъ самаго-же іудейства, нисколько не вынуждая за объясненіемъ ихъ обращаться непременно къ иноземнымъ факторамъ. Если-же нѣкоторыя теоретическія, и главнымъ образомъ антропологическія, воззрѣнія ессеевъ (въ той формулировкѣ, какую даетъ имъ Іосифъ, по мнѣнію громаднаго большинства изслѣдователей не заслуживающій однако въ данномъ случаѣ полного довѣрія) и обнаруживаютъ, повидимому, на общѣ вліяніе иноземныхъ идей, то усвоеніе этихъ послѣднихъ, съ одной стороны, нельзя представлять всегда непременно дѣломъ сознательнымъ; а съ другой—эти чуждыя воззрѣнія могли незамѣтно проникнуть въ ессенизмъ только въ позднѣйшую пору его развитія, но сами по себѣ они отнюдь не могли послужить вынудительной причиною его обособленія отъ общества іудейскаго. Въ третьихъ, факторы ни разнообразны тѣ факторы въ сферѣ язычества, которые обычно указываютъ западные изслѣдователи, выводящіе ессенизмъ изъ философскихъ или изъ религіозныхъ языческихъ системъ, но ни одинъ изъ нихъ не мо-

жетъ быть признанъ источникомъ и первой причиною для происхожденія ессенизма—или вслѣдствіе историческихъ и хронологическихъ затрудненій, не позволяющихъ предполагать могущественное воздѣйствіе этихъ факторовъ на палестинское іудейство въ послѣдніе вѣка предъ Р. Х., когда возникла секта ессеевъ,—или вслѣдствіе невозможности объяснить съ данной точки зрѣнія всѣ отличительныя особенности ессенизма. Такъ, не могъ ессенизмъ возникнуть подъ влияніемъ пифагорейства, такъ какъ древняя пифагорейская школа прекратила свое существованіе уже въ IV вѣкѣ предъ Р. Х. и притомъ самое распространеніе орфико-пифагорейскихъ обычаевъ и возрѣній въ Палестинѣ во время, предшествовавшее образованію ессенизма, не можетъ быть доказано. Далѣе, что касается ново-пифагорейства, то о вліяніи его на первоначальное зарожденіе ессенизма не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ эта философія возникла только лишь въ концѣ перваго дохристіанскаго вѣка. Подобное-же соображеніе заставляетъ отвергать и ту теорію, которая выставляетъ ессенизмъ продуктомъ іудео-александрійской философіи и считаетъ еераневтовъ за родоначальниковъ ессеевъ, такъ какъ, во первыхъ, всѣ данныя говорятъ въ пользу историческаго старшинства ессеевъ предъ еераневтами, а во вторыхъ, такъ какъ трудно также допустить, что бы въ то время, на которое падаетъ происхожденіе ессенизма, александрійская философія, достигшая своего полного развитія только лишь въ лицѣ Филона, впервые придавашаго ей полную систему и научное выраженіе, могла оказывать какое-либо значительное вліяніе на чуждавшихся Египта палестинскихъ іудеевъ. Наконецъ, нельзя также поставятъ происхожденіе ессенизма и въ зависимость отъ языческихъ религіозныхъ системъ Востока, потому что парсизмъ, по сознанію самихъ защитниковъ этой теоріи, недостаточенъ для объясненія всѣхъ особенностей ессенизма, а вліяніе буддизма на образованіе ессенизма представляется совершенно невѣроятнымъ, такъ какъ не только нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ, которыя свидѣтельствовали-бы о столь раннемъ и столь широкомъ распространеніи буддизма на Западѣ, что-бы онъ уже за два вѣка до Р. Х. могъ создать—въ Египтѣ-ли то, или въ Палестинѣ—цѣлое общество буддійскихъ мона-

ховъ, но и вообще все, что мы знаемъ объ исторіи буддизма, рѣшительно противорѣчитъ подобному предположенію.

5. Составляя чисто мѣстный продуктъ палестинскаго іудейства, ессенизмъ образовался подѣ влияніемъ того своеобразнаго направленія, какое приняла религіозно-нравственная жизнь народа іудейскаго въ послѣдніе вѣка предѣ Р. Х., и тѣхъ благопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ, какія имѣли мѣсто въ жизни послѣднннго іудейства. Своеобразно понятое и развитое до крайнихъ предѣловъ, чисто законное направленіе, введенное въ жизнь послѣднннхъ іудеевъ Эздрою, въ связи съ тѣмъ положеніемъ, въ какое была поставлена Іудея, очутившись подѣ властью сирійскихъ правителей, принявшихъ всѣ мѣры къ эллинизациі Израиля и нашедшихъ себѣ въ этомъ дѣятельныхъ пособниковъ въ лицѣ іудейской священнической аристократіи, легко поддавшейся обаятельному влиянію эллинизма, — привело къ образованію среди іудеевъ особой партіи, получившей имя „благочестивыхъ“ или „асидеевъ“. Эти послѣдніе, поставившіе своей задачей строгую приверженность отечественному закону и охрану національныхъ обычаевъ и учрежденій отъ посягательствъ нечестивыхъ эллинистовъ и сирійцевъ, по всей вѣроятности, и послужили основнымъ корнемъ ессейства. Этой метаморфозѣ асидеевъ въ ессеевъ какъ нельзя болѣе благопріятствовали историческія обстоятельства эпохи Маккавейскихъ войнъ, сложившихся такимъ образомъ, что асидеи, рѣшительно отдѣлившіеся отъ военной партіи патріотовъ, дѣятельно продолжавшихъ войну въ цѣляхъ достиженія политической независимости, и въ свою очередь жестоко оскорбленные первосвященникомъ Алкимомъ — главою противной партіи эллинистовъ, остались такимъ образомъ совершенно изолированными въ іудейскомъ мѣрѣ; а послѣдующія событія въ іудейской исторіи, изъ которыхъ главнѣйшимъ было возведеніе на первосвященнической престолю Асмонеевъ, съ точки зрѣнія строгихъ асидеевъ не имѣвшихъ никакого права на первосвященническое достоинство, должны были еще болѣе развить сепаратизмъ въ асидеяхъ и привели, наконецъ, этихъ послѣднихъ къ тому, что они образовали свое особое сепаратистическое общество — государство въ государствѣ и церковь въ церкви — ставшее извѣстнымъ подѣ именемъ ессейства.

6. Развившись изъ коренныхъ основъ національно-религіозной жизни самихъ палестинскихъ іудеевъ, *ессенизмъ* вовсе не представлялъ изъ себя „мозаической картины“, или пестрой смѣси разнообразныхъ іудейскихъ и языческихъ элементовъ, не объединенныхъ однимъ общимъ принципомъ, какъ утверждаютъ это нѣкоторые изслѣдователи ¹⁾, а былъ послѣдовательнымъ, хотя одностороннимъ и своеобразнымъ, развитіемъ одной принципальной идеи, положенной въ основу секты и опредѣлившей собою ея характеръ и направление.

7. Если нельзя съ точностью опредѣлить, въ чемъ состоитъ самая сущность *ессенизма*, такъ какъ трудно безошибочно рѣшить, хотѣли-ли *ессеи*, въ подражаніе древнимъ пророкамъ, приготовить себя путемъ аскетизма къ воспріятію откровеній свыше,—думали-ли они провести въ жизнь идею о всеобщемъ священствѣ, возвѣщенную въ законѣ,—стремились ли они къ осуществленію высшей назорейской жизни, или же они были только строго послѣдовательными, ревнующими о благочестіи, о возможно строгомъ исполненіи всѣхъ предписаній закона и о сохраненіи левитской чистоты;—такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что однимъ изъ самыхъ основныхъ стремленій *ессеевъ* было именно стремленіе представить въ своемъ лицѣ совершенныхъ іудеевъ, исполняющихъ весь законъ, возсоздать въ своемъ тѣсномъ кругу избранныхъ лицъ истинную Божію общину, основанную на началахъ строгой законности, но согласно пониманію этой своеобразной фракціи іудеевъ, которые въ своей сектантской самоувѣренности мыслили только себя истинными израильтянами, неуклонно слѣдующими по стезямъ закона, отказывая въ этомъ правѣ всѣмъ остальнымъ своимъ соотечественникамъ.

8. *Ессенизмъ*, который въ своемъ стремленіи исполнить весь законъ, не дѣлалъ никакого различія между закономъ нравственнымъ и закономъ обрядовымъ и въ которомъ вслѣдствіе этого развилось рабское служеніе буквѣ и привязанность къ внѣшнимъ формамъ—такъ какъ *ессеи* свою внутреннюю чистоту поставляли въ зависимость отъ чистоты

¹⁾ *Herzfeld*, Geschichte des Volkes Israël. Bd. II, S. 406. *Keim*, Geschichte Jesu von Nazara. Bd. I, s. 282.

внѣшней, свое внутреннее благочестіе обусловливали соблюденіемъ произвольно избранныхъ ими внѣшнихъ формъ и установленій,—долженъ быть признанъ не „цвѣтомъ іудейства“, не „пышнымъ его отросткомъ“, какъ утверждаютъ это нѣкоторые панегиристы ессейства ¹⁾, а болѣзненнымъ явленіемъ, симптомомъ религіознаго отчаянія, краснорѣчиво свидѣтельствующимъ о полнѣйшемъ разложеніи древняго іудейства и въ то-же время не имѣющимъ въ самомъ себѣ животворныхъ силъ для обновленія и возрожденія этого послѣдняго. Самъ ессенизмъ не создалъ ни одной оригинальной мысли, ни одного новаго принципа, который могъ-бы обновить отживающее іудейство; въ немъ находятъ для себя мѣсто только новыя, или вѣрнѣе—кажущіяся новыми заплатами, приставленныя къ ветхой одеждѣ, такъ какъ все, что находится въ ессействѣ изъ болѣе чистыхъ нравственныхъ идей и правилъ, имѣетъ свой первоначальный источникъ въ іудействѣ, являясь только результатомъ дальнѣйшаго развитія тѣхъ началъ и предписаній, какія заключены въ ветхозавѣтной религіи. Представляя изъ себя феноменъ религіознаго отчаянія въ обновленіи всего Израиля и отреченія отъ той идеи народа Божія, какую возвѣщали законъ и пророки, ессейство при своей гордой самозаклученности, столь противоположной духу религіи христіанской, не только не способно было пролить животворные лучи на человѣческое общество, но оно какъ нельзя яснѣе говорило о томъ, что и въ іудействѣ, какъ и въ языческомъ мірѣ, предъ пришествіемъ Спасителя уже окончательно были подорваны устои религіозно-нравственной жизни, изчерпаны всѣ жизненныя его силы, такъ что оно само должно было ожидать обновленія и преобразованія только свыше, которое и не замедлило придти въ лицѣ христіанства, принесеннаго на землю Сыномъ Божиимъ, возвѣстившаго міру новыя принципы и обновившаго лицо земли.

Насколько удалось намъ выполнить въ настоящемъ трудѣ своемъ намѣченную нами задачу, судить, конечно, не намъ. Съ своей стороны мы только замѣтимъ, что мы нисколько не обольщаемся на счетъ истинной цѣнности своего труда.

¹⁾ Нанр. Іосифъ (Geschichte des Judenthums und seiner Sekten; Bd. I, S. 214), Эвальдъ (Gesch. des Volkes Israel, Bd. IV, S. 49ⁿ.) и др.

Мы прямо сознаемся, что въ немъ не дается положительнаго и окончательнаго рѣшенія вопроса о происхожденіи и сущности ессейства; нисколько не сомнѣваемся мы также и въ томъ, что въ немъ находится не мало промаховъ, недостатковъ, даже противорѣчій, столь, впрочемъ, неизбѣжныхъ при разсмотрѣніи большого числа разнородныхъ, не рѣдко доходящихъ до полной противоположности, мнѣній; вполне допускаемъ также и то, что мы, не смотря на свое стараніе, быть можетъ и не сохранили вездѣ надлежащей ровности при оцѣнкѣ чужихъ мнѣній—а впасть въ этотъ недостатокъ такъ легко каждому критику подъ вліяніемъ увлеченія своимъ собственнымъ взглядомъ на дѣло! Но тѣмъ не менѣе мы просимъ у настоящаго высокопросвѣщеннаго собранія возможнаго снисхожденія къ своему труду, какъ потому, во первыхъ, что онъ является первымъ опытомъ подобнаго рода въ нашей отечественной богословской литературѣ, не имѣющей еще такого спеціальнаго сочиненія, въ которомъ систематически были-бы изложены и разобраны всѣ важнѣйшія теоріи объ ессенизмѣ, такъ равно и потому, что по самому существу дѣла дать вполне точное и опредѣленное рѣшеніе избраннаго нами для обслѣдованія вопроса рѣшительно невозможно, такъ какъ ессенизмъ, о которомъ высказано очень много разнообразныхъ мнѣній и предположеній, не приведшихъ однако ни къ какому положительному результату, представляетъ изъ себя въ нѣкоторомъ родѣ тотъ таинственный миѣическій лабиринтъ, въ которомъ было множество комнатъ и темныхъ переходовъ, но въ которомъ обыкновенному смертному никакъ нельзя было найти выходъ.

Климентъ Чемена.
